
pocket**book**

rocket**book**

ЭНН РАЙС

Интервью с вампиром

ЭКМО
МОСКВА
ИД ДОМИНО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
P18

Anne Rice

INTERVIEW WITH THE VAMPIRE

Copyright © 1996 by Anne O'Brien Rice
and the Stanley Travis Rice, Jr. Testamentary Trust

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Ollyu, andreiuc88 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Райс, Энн.

P18

Интервью с вампиром / Энн Райс ; [пер. с англ. М. Литвиновой-мл.]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 464 с. — (Комната страха).

Самое знаменитое произведение о вампирах, ставшее классикой не только готического жанра, но и всей мировой литературы.

«Интервью с вампиром» – история вампира, рассказанная им самим в нарушение всех заповедей, – завораживает с первых страниц. Гипнотический голос повествует о жизни и не-жизни и словно во сне переносит слушателя то на плантации Луизианы, то в Париж XIX века, то в крохотную прикарпатскую деревушку... Неужели обитатели Мира Тьмы – это воплощение зла – способны, подобно смертным, страдать и радоваться, любить и ненавидеть, вечно искать ответы на вечные вопросы?..

В 1994 году в Голливуде непревзойденный роман Энн Райс — «посланицы оккультного мира» — был блистательно экранизирован с Брэдом Питтом и Томом Крузом в главных ролях.

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. Литвинова-мл., перевод
на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94745-4

*Посвящается Стэну Райсу,
Кэрол Маклин и Элис О'Брайен Боржбарт*

ЧАСТЬ I

- **Н**у что ж... — задумчиво сказал вампир. Он стоял у окна, освещенный тусклым уличным светом. Глаза его собеседника, молодого человека, наконец привыкли к полутьме, и он смог разглядеть комнату: круглый дубовый стол, кресла, таз и зеркало на стене. Молодой человек ждал.

— А у вас хватит пленки, чтобы записать историю целой жизни?

И молодой человек увидел четкий профиль полуобернувшегося вампира.

— Конечно. Когда повезет, мне удастся взять интервью у трех-четырёх человек за вечер. Но только это должна быть действительно хорошая история.

— Еще бы, — сказал вампир. — Я расскажу вам свою жизнь. Я сам этого хочу.

— Отлично. — Молодой человек поспешно достал из портфеля диктофон, проверил кассету и батарейки. — Расскажите, как получилось, что вы поверили в это, почему вы...

— Нет, — оборвал его вампир. — Мы начнем иначе. У вас все готово?

— Да.

— Тогда садитесь. Я включу верхний свет.

— Но я всегда думал, что вампиры не любят света. Если вам хочется, чтобы было темно, я не против...— Он осекся.

Вампир отвернулся от окна и смотрел теперь прямо на него. Лица вампира не было видно, но что-то в этой неподвижно застывшей фигуре насторожило юношу. Он хотел было что-то сказать, но промолчал. Вампир подошел к столу, взялся за шнур выключателя, и молодой человек вздохнул с облегчением. И тут же резкий желтый свет залил комнату. Молодой человек ошеломленно уставился на вампира. Его пальцы судорожно вцепились в край стола.

— Боже! — только и смог выдохнуть он.

Лицо у вампира было белое и гладкое, словно вырезанное из кости, и застывшее, как у статуи. Жили только его зеленые глаза; они пристально смотрели на молодого человека и сверкали, как изумруды, и казалось, что два огня горят на белом холодном лице. Вдруг вампир улыбнулся, нежно, почти мечтательно, и на белизне его кожи обозначились линии, бесконечно подвижные, но скупые, как на штриховом портрете.

— Рассмотрели? — тихо спросил он.

Юноша вздрогнул и поднес руку к глазам, защищаясь от яркого света. Потом перевел взгляд на безукоризненно сшитый черный фрак, который мельком уже видел в баре, длинные складки плаща, черный шелковый галстук и воротничок сорочки, такой же ослепительно белый, как кожа вампира. Его густые, черные, слегка вьющиеся волосы были зачесаны назад, их кончики едва касались воротничка.

— Ну как, вы все еще хотите этого интервью? — спросил вампир.

Молодой человек открыл рот, но не мог выдавить ни звука, только кивнул.

— Да, — наконец выдохнул он.

Вампир опустил в кресло напротив и тихо, доверительно сказал:

— Включайте запись и ничего не бойтесь.

Он перегнулся через стол, и юноша испуганно отшатнулся. Пот градом катился по его щекам. Вампир положил руку ему на плечо, крепко сжал его и сказал:

— Поверьте, я не сделаю вам ничего плохого. Я хочу воспользоваться случаем. Наша беседа для меня гораздо важнее, чем вы думаете. Давайте начнем поскорее. — Он откинулся в кресле и застыл в ожидании.

Юноша с трудом перевел дыхание, вытер лицо платком, пробормотал, что микрофон внутри, нажал кнопку, и запись началась.

— Вы не всегда были таким, правда? — начал он.

— Верно. Я стал вампиром в тысяча семьсот девяносто первом году, мне было тогда двадцать пять лет.

Юноша, ошеломленный такой точностью, повторил дату вслух, прежде чем задать следующий вопрос:

— Как это случилось?

— Очень просто. Но я бы хотел рассказать все по порядку, с самого начала.

— Разумеется, — быстро кивнул молодой человек, сложил платок вчетверо и провел им по губам.

— Все началось с несчастья... — начал вампир. — Мой младший брат... погиб. — Он запнулся.

Молодой человек кашлянул, чтобы прочистить горло, еще раз вытер лицо платком и засунул его в карман.

— Может быть, вам больно... вспоминать об этом? — спросил он робко.

— Больно? — отозвался вампир. И покачал головой. — Нет. Однажды я уже рассказывал эту историю. И потом, это было так давно... Мы тогда жили в Луизиане. Взяли ссуду на землю и основали две плантации индиго на Миссисипи, неподалеку от Нового Орлеана...

— Так вот откуда у вас акцент, — тихо сказал юноша.

Вампир недоуменно взглянул на него, потом рассмеялся:

— Я говорю с акцентом?

— Я заметил это еще в баре, когда спросил, кто вы, — торопливо заговорил юноша. — Едва различимая четкость согласных и все. Но я не догадался, что это французский акцент.

— Ничего, — успокоил его вампир. — Я не столько удивлен, сколько притворяюсь. Просто время от времени я забываю о своем акценте. Но давайте продолжим.

— Конечно, конечно...

— Я говорил о плантациях. Кстати, может быть, из-за них я и стал вампиром. Но об этом после. Мы жили роскошно, но в то же время очень просто. Мы очень любили наш мир. Во Франции нам никогда не

было бы так хорошо. Может, то была только выдумка, очарование дикой и девственной природы, но разве это важно? Я помню мебель, выписанную из Европы. — Вампир улыбнулся. — И клавесин... Прелестная вещица. Моя сестра часто играла на нем. Летними вечерами она сидела за клавишами спиной к раскрытым окнам. Помню быструю невесомую музыку и болота, простиравшиеся за окном; бархатистые кипарисы, плывущие на фоне вечернего неба, и звуки болот: голоса животных и пение птиц. В этой глуши мебель розового дерева казалась еще более ценной, а музыка — такой нежной и такой желанной. Мы любили нашу жизнь в глуши, хотя глицинии опутали окошко мансарды и умудрились врасти в белую кирпичную кладку меньше чем за год... Да, мы все любили эту жизнь, все — кроме моего младшего брата. Я не помню, чтобы хоть раз он пожаловался или посетовал, но я чувствовал — у него неладно на душе. Отец к тому времени уже умер, и я, как глава семьи, должен был постоянно защищать брата от матери и сестры. Они требовали, чтобы он ездил вместе с нами в гости и на вечеринки в Новый Орлеан, а он этого терпеть не мог. Он перестал участвовать в общих развлечениях лет, должно быть, в двенадцать. Для него имели смысл только молитвы, молитвы и жития святых, заключенные в толстые кожаные переплеты.

Я построил ему часовню неподалеку от дома, и он проводил там целые дни — возвращался, когда уже начинало смеркаться. Это смешно: он так отличался от нас, отличался от всех, а я был самым обычным человеком! Ничего сверхъестественного во мне не бы-

ло. — Вампир улыбнулся. — Иногда по вечерам я приходил за ним к часовне. Он сидел на каменной скамейке в саду, спокойный и отрешенный, а я рассказывал ему о своих бедах: о нерадивых рабах или дурной погоде, о недоверии к надсмотрщику и торговым агентам... Словом, о больших и маленьких заботах, которые составляли сущность моей жизни. Он сидел и слушал, изредка вставлял замечания, всегда очень благожелательные, и всякий раз я покидал его с осознанным чувством, что он разрешил за меня все вопросы. Я думал, что ни в чем не смогу ему отказать, и поклялся, что не буду мешать ему стать священником, пусть это даже разобьет мне сердце. Конечно, я заблуждался.

Вампир замолчал.

Юноша тоже молчал и смотрел на него. Затем, словно пробудившись от глубокой задумчивости, спросил, подбирая слова:

— То есть... Он не захотел стать священником?

Вампир ответил ему долгим взглядом, словно пытаясь постичь смысл сказанного. Потом сказал:

— Нет, это насчет себя я ошибался — когда думал, что не смогу ему отказать. — Он отвел глаза и взглянул в окно. — У него начались видения.

— Настоящие видения? — помедлив, спросил юноша.

— Не знаю, но тогда я ему не поверил. Это случилось впервые, когда брату исполнилось пятнадцать. Он был красив: нежная чистая кожа, огромные голубые глаза. К тому же, в противоположность мне, он отличался крепким телосложением... Но главное —

его глаза. Когда я смотрел в них, мне казалось, что я стою на самом краю света совсем один... на овеваемом ветром песчаном берегу океана, а вокруг тишина, только рокот волн, накатывающих на берег... Да, — продолжал он, по-прежнему глядя в окно, — у брата начались видения. Сначала он говорил об этом намеками. Он ничего не ел и почти переселился в часовню, но и там все запустил: перестал зажигать свечи, менять покров на алтаре и даже не выметал заносимые ветром листья.

Дни и ночи он стоял на коленях на голом каменном полу перед алтарем. Однажды вечером я встревожился не на шутку. Целый час я смотрел на него из беседки, увитой розами. Брат ни разу не поднялся с колен и не опустил молитвенно сложенных рук. Рабы думали, что он сошел с ума. — Брови вампира удивленно поползли вверх. — Сам я считал, что он просто не в меру усерден, что в своей любви к Богу он зашел слишком далеко. Потом он рассказал мне о видениях подробно. Он говорил, что ему явились святой Доминик и сама Дева Мария. Они сказали, что он должен продать всю нашу собственность в Луизиане — все, что у нас есть, — а вырученные деньги потратить на богоугодные дела во Франции. Сам же он станет великим религиозным лидером и, возродив любовь к Богу в сердцах людей, будет бороться с атеизмом и Революцией. Своих денег у него, конечно же, не было — значит, это мне следовало продать плантации и дома в Новом Орлеане, а деньги отдать ему.

Вампир снова умолк. Юноша изумленно глядел на него.

— Простите, — наконец очнулся он. — И что же? Вы продали плантации?

— Нет, — ответил вампир. Его лицо было невозмутимо и спокойно, как и прежде. — Я рассмеялся ему в лицо. Он пришел в ярость. Так приказала сама Дева Мария, кричал он, и кто я такой, чтоб не подчиняться? В самом деле, кто? — повторил вампир тихо, словно заново обдумывая ответ на этот вопрос. — Чем отчаянней он старался убедить меня в своей правоте, тем громче я смеялся. Я сказал, что его слова — полнейшая чушь и бессмыслица, порождение незрелого и даже болезненного ума. Я говорил, что постройка часовни была ошибкой и что я прикажу разрушить ее немедленно, а сам он начнет ходить в школу в Новом Орлеане и забудет про видения и прочий вздор. Не помню точно, что я еще наговорил. В памяти остались только гнев и разочарование, переполнявшие мою душу. Именно это я пытался скрыть за высокомерным смехом и суровой отповедью. Я и впрямь был горько разочарован. Я не поверил ни единому слову брата.

— Вас можно понять, — заметил юноша, воспользовавшись наступившей паузой; его лицо уже не выражало такого откровенного удивления. — Никто бы ему не поверил.

— Можно понять? — Вампир взглянул на него. — Я вел себя отвратительно, как отъявленный эгоист. Попробую объяснить. Я уже говорил, что любил брата. Иногда мне казалось, что он святой. Точнее говоря, я хотел в это верить. Я уважал его мысли и молитвы и твердо решил, что помогу ему принять сан. Но... Если бы мне рассказали, что в Арле или Лурде по-